

**РУССКИЕ КАК «ЧУЖИЕ» и «ДРУГИЕ»
В «РУССКОМ ДНЕВНИКЕ» ДЖОНА СТЕЙНБЕКА**

Дворяшина В.С. – старший преподаватель
кафедра мировой литературы, УзГУМЯ, Ташкент
terra-dvs@mail.ru

Худайбергенова М. – студентка 1 курса
факультета романо-германской филологии УзГУМЯ, Ташкент

Аннотация. В статье на материале «Русского дневника» американского писателя Джона Стейнбека рассмотрено взаимодействие различных форм представления «другого» в жанре травелога. Автор «Русского дневника» проводит четкое разделение между имиджем, формируемом в политическом и журналистском дискурсе, и представлениями, которые складываются при непосредственных контактах с представителями других народов. Сам Стейнбек, как журналист, описывает механизмы формирования негативных представлений о «других» в массовом сознании. Несмотря на пропаганду, русские в травелоге Стейнбека предстают как «другие», с присущими им особенностями мышления и поведения, при этом автор активно использует прием сравнения, который призван не только указать на сходство между двумя народами, но и выявить существующие между ними различия.

Ключевые слова: имагология, травелог, «другой», имидж, образ, русские, американцы

Annotatsiya. Maqolada Amerikalik yozuvchi Jon Steynbekning “Rus kundaligi” materiali asosida travelog janrida “o‘zga”ni taqdim etishning turli shakllarining o‘zaro ta’siri ko‘rib chiqilgan. “Rus kundalig”i muallifi siyosiy va jurnalistik diskursda shakllanadigan imidj va boshqa xalqlar vakillari bilan bevosita aloqada shakllanadigan tasavvurlar o‘rtasida aniq chegara o‘tkazadi. Steynbekning o‘zi jurnalist sifatida ommaviy ongda “boshqalar” haqidagi salbiy tasavvurlarning shakllanish mexanizmlarini tavsiflaydi. Steynbek travelogiyasida targ‘ibotga qaramay, ruslar o‘ziga xos fikrlash va xatti-harakatlarga ega bo‘lgan “boshqalar” sifatida namoyon bo‘ladi, bunda muallif nafaqat ikki xalq o‘rtasidagi o‘xshashlikni ko‘rsatish, balki ular o‘rtasidagi mavjud farqlarni aniqlash uchun mo‘ljallangan taqqoslash usulidan faol foydalanadi.

Kalit so‘zlar: imagologiya, traveolog, “o‘zga”, imidj, siymo, ruslar, amerikaliklar

Abstract. The article, based on the material of American writer John Steinbeck's “A Russian Journal”, examines the interaction of various forms of representing the “other” in the travelogue genre. The author of the “Russian Journal” makes a clear distinction between the image formed in political and journalistic discourse and the ideas formed during direct contact with representatives of other peoples. Steinbeck himself, as a journalist, describes the mechanisms of forming negative perceptions of “others” in the mass consciousness. Despite the propaganda, the Russians in Steinbeck's travelogue appear as “other”, with their inherent peculiarities of thinking and behavior, while the author actively uses the technique of comparison, which is designed not only to indicate the similarity between the two peoples, but also to reveal the existing differences between them.

Keywords: imagology, traveologue, “other”, image, picture, Russians, Americans

Введение.

Литературоведческая имагология, являющаяся частью сравнительного литературоведения, представляет собой интенсивно развивающуюся научную отрасль, имеющую междисциплинарный характер. Рост интереса к изучению литературных произведений на основе имагологического метода обусловлен интенсивностью международных контактов и тенденцией к выстраиванию такой системы международных отношений, которая бы в равной мере учитывала интересы всех представителей мирового сообщества на основе межнационального и межкультурного диалога. Задачи, которые решаются в рамках литературоведческой имагологии, разработчики вузовского курса по данной дисциплине видят в «изучении генезиса, структуры и эволюции национальных образов, постижении роли литературы в формировании национальной идентичности, представлений о национальном характере, складывающихся в системе словесности образов народов, национальных стереотипов» [5, с.142].

В литературно-художественных произведениях разных эпох и народов ученые выделяют такие формы представления и оценки других культур и их носителей, как стереотип, имидж, образ, характер, определяя их следующим образом:

стереотип – первичная неразложимая форма, входящая в состав образа «других», характеризующаяся однозначностью, оценочностью, устойчивостью и независимостью от личного опыта [6];

имидж – сознательно конструируемый стереотип, вырабатываемый и используемый в условиях идеологического и геополитического противостояния [6];

образ «иноного»/ «чужого» / «другого» - укоренившийся в сознании комплекс представлений о другом народе [1, с.12], при этом «другой» и «чужой» представляют собой частные случаи оценочного восприятия образа «иноного» («другой» - просто иной, «чужой» - враждебный по отношению ко мне [4, с.236]. В то же время исследователи данных имагологических категорий указывают на проницаемость границы между ними, которая может не определяться целиком национальной принадлежностью или территориальной локализацией: «Если «чужой» находится как бы за внешней границей круга интересов сообщества, то «другой» может быть фактически своим, но обладание определенными качествами или знаниями делает его культурно «Иным», социально «Чужим», или маргиналом. И, в то же время, «другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам» [6];

(ино)национальный характер – «восприятие и художественное освоение типа человеческого поведения (поступков, мыслей, переживаний, речевых особенностей), обусловленное иной национальной принадлежностью» [2, с.36].

Обзор литературы и методы. Образы «других» в различных типах дискурса, в том числе и в дискурсе художественной (художественно-документальной) литературы активно изучались учеными разных стран, среди которых можно особо выделить Э. Саида («Ориентализм: западные концепции Востока»), Х. Бхабху («Местонахождение культуры») и Ц. Годорова («Завоевание Америки: проблема «другого», «Мы и другие: размышление француза о многообразии человечества»). Работы данных ученых традиционно составляют методологическую базу исследований, посвященных различным аспектам создания, функционирования и оценки образов «других» в рамках колониального и постколониального дискурса. Работы российских ученых в сфере имагологии традиционно ориентированы на изучение отраженных в художественных текстах русской литературы различных периодов представлений о Западе и западной культуре (диссертации Н.А. Кубанева «Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей конца XIX - первой половины XX вв.» (2001) и Е.А. Мустафиной «Образ Европы в литературном сознании России и

США в XIX веке» (2007), обширная статья А. Безрукова «Цивилизация Запада глазами русской классики» (2018); Востоке (в т.ч. Центральной Азии) и восточной культуре (Е.Н. Шапинская «Конструкция образа Востока в текстах культуры» (2011), Э.Ф. Шафранская «Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Н. Каразина» (2016); истории формирования образа России и русских в литературах других народов (В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец «Образы России в мире» (2010), Н.П. Михальская «Россия и Англия: проблемы имагологии» (2012), Ощепков А.Р. «Имагология. Россия в литературе Запада» (2017). Для решения задач, поставленных в данной работе, важную роль сыграли также итоги изучения частных вопросов, связанных с выявлением и описанием стратегий, механизмов и приемов создания образов «других» в литературных произведениях, представленные в статьях И.С. Дорогавцевой «Универсальные закономерности репрезентации Другого в литературных и нелитературных текстах» (2008), В.П. Трыкова «Имагология и имагопоэтика» (2015), С.И. Шампаровой «Имагология и образ России» (2019). При изучении различных форм репрезентации «другого» в «Русском дневнике» Джона Стейнбека нами были использованы имагологический, культурно-исторический и описательный методы.

Результаты. В «Русском дневнике» Джона Стейнбека, несомненно, представлены такие имагологические категории, как стереотип, имидж, образ «другого» и инонациональный характер. Проведенный анализ взаимодействия имиджа и образа в рамках этого произведения выявил сущность различий между ними, которая четко осознавалась автором «Дневника» и была им использована для создания оригинального и максимально объективного ориентированного на американскую аудиторию свидетельства о жизни «других». В то же время обстоятельства, в которых происходило наблюдение за поведением «других», и политические взгляды самого путешественника сказались на возможности более глубокого понимания инонационального характера. Однако наблюдаемое в тексте «Русского дневника» со-/ противопоставление американцев и русских демонстрирует как объективные сложности на пути к межкультурному диалогу, пониманию и принятию «другого», так и способствует утверждению идеи об уникальности каждой культуры и зафиксированного в ней сложившегося под влиянием различных факторов (природных, территориальных, социальных и т.п.) и исторических обстоятельств национального менталитета.

Обсуждение. Среди наиболее актуальных направлений изучения образов других стран и народов Л.П. Егорова выделяет, в том числе, «область взаимной рецепции

представителей крупнейших держав – России и США» [2, с.31]. В контексте сложных отношений двух государств в политико-идеологической сфере как в прошлом веке, так и в первых десятилетиях нынешнего столетия, внимание исследователей из различных научных областей привлекает опубликованный в 1948 г. «Русский дневник» американского писателя Джона Стейнбека. Историки, политологи, искусствоведы, журналисты и литературоведы практически единодушно отмечают объективный, взвешенный подход автора к описанию увиденного им и фотографом Капой в стране, которая на тот момент рассматривалась США уже как соперник в борьбе за геополитическое доминирование. В настоящее время «Русский дневник» продолжает рассматриваться и изучаться и как документальный источник, позволяющий составить представление об идеологической атмосфере начала периода «холодной войны», и как яркое художественное свидетельство о частной жизни и настроениях народа, вышедшего в ней победителем.

При создании образа «других» автор «Русского дневника» опирается на взаимодействие двух направлений в описании и оценке увиденного, во-первых, объективно воспроизводя ситуацию идеологического противостояния в начале «холодной войны» (как у себя на родине, так и в чужой стране) и, во-вторых, разграничивая жизнь и повседневные заботы простых граждан и функционирование бюрократической системы.

Первое направление заявляет о себе уже во вступлении, где Стейнбек объясняет причины и цели их с Капой поездки. В этом вступлении можно увидеть классическую иллюстрацию того, как в целях идеологической борьбы создается имидж противника/врага: целенаправленная переработка информации («Человек, сидящий за письменным столом в Вашингтоне или Нью-Йорке, читает телеграммы и перекраивает их так, чтобы они соответствовали его восприятию мира и были достойны его подписи»), отсутствие личного опыта взаимодействия («И все это писали люди, которые в СССР не бывали и чьи источники информации были безупречны»), ограниченность представлений о «другом» сферой политической власти и военной тематикой («В газетах каждый день обсуждалась Россия: о чем думает Сталин? Каковы планы русского Генерального штаба? Диспозиция войск, эксперименты с атомным оружием и управляемыми ракетами»), цель которой – создание негативных представлений о «другом» как о враге. Интересно, что в послевоенном взаимодействии стран автор также усматривает признаки войны, которая исключает возможность создания более

сбалансированных и многогранных образов «других»: «Оказывается, фотоаппарат – один из самых пугающих видов современного оружия, особенно для людей, которые были на войне, которые подвергались бомбардировкам и обстрелам. Ибо за любой бомбежкой неизменно стоит фотография. <...> Не верите? Попробуйте появиться с фотоаппаратом Kodak Brownie № 4 где-нибудь рядом с Ок-Риджем, или с Панамским каналом, или едва ли не в любой из ста наших зон, где проводятся какие-то эксперименты» [7]. Кроме того, во вступлении отмечены не только действия по формированию отрицательного имиджа, но и результаты пропагандистского воздействия на сознание простых граждан, в котором представители «других» притягивают к себе все отрицательные моральные оценки («– О, эти русские, – рассказывал нам один таксист. – У них мужчины и женщины купаются вместе, да еще и голыми. – Да ну? – Да точно. А это так аморально! – При дальнейших расспросах, правда, выяснилось, что человек прочитал заметку о финской бане. Но он сильно переживал, что именно русские так себя ведут.») и выступают как источник иррационального зла («Пожилая женщина с ужасом в голосе говорила нам: – Да вы там сгинете, сгинете, как только перейдете границу!»; «Один пожилой джентльмен покивал головой и заявил: – Они будут измываться над вами, вот что! Они просто бросят вас в какую-нибудь ужасную тюрьму, будут мучить вас, будут выкручивать вам руки, будут морить вас голодом, пока вы не скажете все, что им нужно»).

Второе направление проявляется в стилистике фрагментов, фиксирующих авторский опыт взаимодействия с бюрократической системой. Для стилистического решения этих эпизодов характерны добросовестность, обстоятельность, бесстрастность, обилие подробностей (например, рассказ об обслуживании в московском ресторане) в сочетании с приемами комизма, включающими в себя алогизм (например, борьба двух организаций, отвечающих за культурное взаимодействие с зарубежными представителями, ведется не за право сопровождать их, а за возможность избежать такого сотрудничества), оценку общения с чиновниками как игры, смысл которой состоит в затягивании времени, исключающем необходимость принимать какие-либо решения (Стейнбек дал этой игре название «Русский гамбит»), анекдот (рассказ о водителе одного из сотрудников американского посольства, у которого был собственный водитель) и даже создание собирательного образа Кремлевского гремлина, на которого была возложена вся ответственность за многочисленные срывы запланированных американскими гостями мероприятий.

Некоторые из описанных американским писателем случаев взаимодействия с бюрократической системой, регламентирующей, например, работу сферы общественного питания или транспорта, в подаче Стейнбека вызывают болезненное переживание бессмысленно утекающего времени. Атмосфера взаимного недоверия и всеобщей подозрительности, по мнению автора, также приводит к абсурдным с точки зрения наблюдателя и весьма неприятным для их участников последствиям (рассказ о русских женах иностранных дипломатов, лишенных возможности получить выездную визу и воссоединиться с мужьями и одновременно пораженных в своих гражданских правах на родине).

Стейнбек, который, как известно, из-за незнания русского языка вынужден был общаться с местными жителями через переводчиков (а те, как следует из архивных документов, регулярно отчитывались о ходе и содержании этих бесед перед руководством ВОКСа и по его заданию старались объяснить американскому писателю сущность наблюдаемых явлений и событий, прежде всего, с идеологических позиций). Это обстоятельство вынуждало путешественника, стремившегося самостоятельно осмыслить увиденное, внимательно наблюдать за поведением и бытовыми привычками людей в регионах, которые он посетил (в их числе Москва, Украина, Грузия). Цель наблюдений – установить ключевые черты русского национального характера и мышления в сопоставлении с особенностями поведения и системы ценностей соотечественников. Писатель зафиксировал в своем «Дневнике» как существование большого интереса к жизни в Америке, так и большие трудности, возникавшие у собеседников в понимании его ответов. Поистине замечательными были вопросы, которые слушатели задавали ему после рассказов о жизни в США: зачастую они опирались не на знания в специальной сфере (сельское хозяйство, искусство, поэзия и т.п.), а демонстрировали восприятие любой информации сквозь призму идеологического противостояния и сформированных в этих условиях стереотипов (в Америке, по мнению одного из собеседников, мало читают поэзию, потому что американские поэты далеки от народа).

Отмечая ряд сходств между соотечественниками и «другими», проявившихся, например, в любви к технике, к масштабному строительству, в способности граждан к самоорганизации, путешественник, тем не менее, указал и на принципиальные различия, отличающих русских от американцев. Среди них можно указать, например, принципиальность, названную Стейнбеком «сентиментальностью» (разрушенный

Сталинград было решено возродить на прежнем месте), приоритет будущего времени над настоящим и его идеализация (мысль русских людей устремлена в будущее, где будут реализованы самые смелые и масштабные планы, что позволяет людям «извлекать энергию из будущего») и совершенно непонятная американцу любовь к прошлому, сострадательность и совесть (в рассказе о том, как вели себя зрители в киевском театре во время просмотра постановки А.Н. Островского «Гроза» и аторские комментарии к сюжету пьесы).

Автор обширного предисловия к «Русскому дневнику» в новом переводе, С. Шиллинглю, отмечает важную роль этого произведения в общей творческой эволюции его автора, постепенно смещавшего свое внимание с групповой психологии («теория группы») к взаимодействию с обществом отдельной личности. Этот переход начался, по ее мнению, после поездки 1947 г., во время которой писатель увидел, как «в России масса поглощает и стирает индивидуальное творчество, индивидуальные мысли и действия» [7].

По нашему мнению, в «Русском дневнике» Стейнбек запечатлел и совершенно иные тенденции, выявив черты повседневного героизма простого человека, восстанавливающего разрушенное войной, отметив высокий уровень энтузиазма, колоссальный прилив жизненной энергии, который завил о себе вопреки холодным идеологизированным схемам восприятия действительности, предлагаемым политическим центром и (что действительно тревожило Стейнбека) представителями творческой интеллигенции. В отдельных случаях можно отметить спорные трактовки писателем мыслей и чаяний русских людей, приверженных и разговорах, и в застольных тостах столь болезненной для них теме войны и столь важной для них теме мира, трактуемой русским сознанием как «мира во всем мире», которые автор также был склонен оценивать как результат воздействия пропаганды.

Однако благодаря своей многоплановости, концептуально определенности подхода к изображению «другого», в которой идея вечной ценности и безусловной важности мирной жизни преобладает над ограниченностью политических доктрин, инертностью бюрократии и государственной власти, «Русский дневник», несомненно, выступает как ценное свидетельство об ушедшей эпохе и как важный источник для понимания достижений и упущенных возможностей во взаимоотношениях двух стран.

Литература:

1. Земсков В. Образ России в современном мире и другие сюжеты. URL: <https://mybook.ru/author/valerij-zemskov/obraz-rossii-v-sovremennom-mire-i-drugie-syuzhety/read/>
2. Егорова Л.П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиции) // <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/download/3/331/>
3. Копелев Л.З. Чужие / Одиссей. Человек в истории: образ «другого» в культуре. 1993. – М.: Наука, 1994. – С. 8-19.
4. Мних Р. Свой vs иной/другой/чужой в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2021. – Т.23. №2. – С. 233-245.
5. Поляков О.Ю. Литературоведческая имагология как учебный курс магистратуры: структурно-содержательные и методические аспекты // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. - №4(146). – С. 141-148.
6. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого». URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/39_1/repina_l.p./national-character-and-the-image-of-the-other
7. Стейнбек, Джон. Русский дневник (пер. Е. Кручина). URL: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=61607>

